

ники» и «Скульптура». Но ведь памятники — тоже скульптура! Оказывается, что имеются в виду проекты памятников. Об этом и нужно было написать.

Хотелось бы, чтобы в следующих выпусках было более обстоятельное предисловие, обосновывающее принципы учета литературы; чтобы вспомогательный аппарат был оснащен

введением, которое бы разъясняло, как им пользоваться; нужно тщательно продумать содержание и структуру тематического указателя.

В целом же данная библиография заслуживает положительной оценки. Прделана большая и квалифицированная работа, очень нужная и полезная.

Р. КРЕНДЕЛЬ

СТОЛЕТІЯ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ*

Один известный литературовед, принимаясь за работу, как-то показал мне объемистую библиографию предмета своего изучения и не без удовольствия заметил: «Тружусь на всем готовом».

Глубокая истина звучала в этих словах. Разве возможно в наше время расщепления литературной науки на целый ряд смежных областей работать кустарно, не пользуясь трудами библиографов? Собираение фактов и данных, требующее кропотливого и усидчивого розыска в книгохранилищах и архивах, конечно, не отпадает совершенно, но все же библиография почти всегда служит надежным маяком для литературоведа.

С другой стороны, библиография сама по себе вовсе не подсобная наука, играющая подчиненную роль. Она тоже часть литературоведения,

и притом весьма существенная. Об этом невольно думаешь, путешествуя по сотням и тысячам страниц пятитомного био-библиографического словаря «Украинские писатели». Примерно десять лет назад покойный академик А. И. Белецкий проявил инициативу по созданию этой фундаментальной энциклопедии украинской литературы от ее возникновения до 60-х годов нашего века. Здесь речь идет не только об отдельных украинских писателях, хотя количество вошедших в тома персоналий определяется многими сотнями. По существу пятитомный словарь охватывает огромное культурное наследство, связанное с украинской словесностью, письменной и устной, так что читатель может проследить весь ход ее развития с XI века и до наших дней.

Размах издания особенно отчетливо виден по первому тому, включающему украинскую литературу XI—XVIII веков (оригинальную и переводную). Надо не забывать, что литература Киевской Руси (XI—XIII вв.), по сути своей,— достояние трех братских славянских народов: русского, украинского и бело-

* «Українські письменники. Біо-бібліографічний словник у п'яти томах». Том перший. Давня українська література (XI—XVIII ст.), Держлітвидав, К. 1960, 979 стр.; Том другий. Дожовтневий період (XIX — поч. XX ст.), Держлітвидав, 1963, 752 стр.; Том третій. Дожовтневий період (XIX — поч. XX ст.), Держлітвидав, 1963, 806 стр.; Том четвертий. Радянська література, «Дніпро», К. 1965, 845 стр.; Том п'ятий. Радянська література, «Дніпро», 1965, 856 стр.

русского. Невозможно провести грань между этими восточнославянскими литературами, развивавшимися в то время на почве еще недостаточно дифференцированного старославянского языка. Было бы излишним и странным пуризмом (и не только пуризмом!) обвинять редакционную коллегию во главе с А. И. Белецким и составителя первого тома Л. Махновца в незакономерном введении в словарь писателей и произведений, которые принято было относить к древнерусской литературе. Например, «Слово о полку Игореве», возникшее, по видимому, на территории нынешней Украины, и ряд других памятников этого периода по праву принадлежат всем трем народам — русскому, украинскому и белорусскому, знавшим общую государственность. Поэтому в первый том словаря вошли многочисленные авторы и произведения эпохи Киевской Руси и более поздние, например Леонтия Карповича, Феофана Прокоповича, Симеона Полоцкого и др. С XIV—XV столетий, когда украинская народность определяется в своих национальных чертах, развивается собственно украинская литература, сохраняющая тесные взаимосвязи с литературой русского, белорусского и польского народов. Это вполне объяснимо в общественно-политических условиях времени и нашло отражение в первом томе словаря.

Хочется отметить огромное богатство древней литературы — духовной и светской, чисто народной и книжной, оригинальной и переводной. К сожалению, у некоторых ученых до сих пор о ней существует превратное и одностороннее суждение, как о литературе, созданной враждебной нам церковной идеологией. Это вызвано тем неисторичным подходом, при котором чисто религиозная, метафизи-

ческая оболочка житий святых, апокрифов, сборников дидактического характера заставляет забывать о гуманном, просветительском содержании этих произведений. Не преувеличивая скажу, что при чтении первого тома проникаешься и интересом, и уважением к судьбам и деятельности далеких борцов за просвещение, за те чувства человечности и преданности родине, которые светятся ясно и неугасимо, сохраняясь в веках. Библиографические справки, данные о каждом писателе, показывают, сколь различны и богаты характеры этих подвижников культуры, будь они выходцы из монастырей и бурсацких школ, из купцов или из среды гусяров и скоморохов, бродячих певцов наподобие полупоэтического Бояна.

Вот один из видных украинских деятелей конца XVI — начала XVII столетия — Иван Вишенский, горячий публицист и проповедник, обличитель церкви и духовенства и в то же время афонский монах, ушедший от мирской лжи в аскезу. Сколько пламенных слов сказал в его славу и в стихах и в исследованиях Иван Франко! В 1892 году он писал: «Иван Вишенский может еще и нашему поколению служить примером твердости и стойкости характера, прямоты и ясности в выражении своих взглядов и соответствия между убеждениями и всею своею жизнью».

В библиографии можно найти много интересных работ об Иване Вишенском, начиная от И. Франко, В. Перетца, В. Щурата и кончая фундаментальным изданием Академии наук в серии «Литературные памятники» (1955) с содержательной статьей и комментариями рано ушедшего от нас И. П. Еремина.

Вот Василий Барский (1701—1747) — неутомимый искатель знаний и путешественник, оставивший четы-

ре тома описания своих скитаний по Италии, Греции, Палестине. В словаре есть не только перечень изданий, но и критическая литература о нем на протяжении веков,— и так о каждом из писателей. Вот Феофан Прокопович (1681—1736) с его страстной, мятущейся натурой поборника правды, полемиста. Это человек разностороннего таланта, автор драмы «Владимир», проповедей, трактатов, учебников. И о нем дан поистине огромный библиографический материал вплоть до изданий 1960 года. А вот автор многочисленных стихов, драм, проповедей, известный богослов и борец за культуру, создатель типографии в московском Кремле Симеон Полоцкий (1629—1680). И рядом с этими крупнейшими деятелями украинской и русской письменности большое число других, менее видных, но внесших свою лепту в развитие родной литературы. Не один исследователь древней украинской, русской, белорусской литератур обратится к этому тому, по обилию материала и обстоятельному его освещению не имеющему прецедента даже в русских библиографических изданиях — и прошлых и современных. Особенно надо отметить, что составитель и редакционная коллегия обратили пристальное внимание на народную литературу: песни, вертепную драму, интермедии, диалоги и на все то, что лежит на перекрестке устного и письменного творчества.

Если говорить о недочетах этого тома, то прежде всего следовало бы сказать, что ссылки на зарубежную литературу часто случайны, а порой вовсе отсутствуют. А между тем теперь особенно среди зарубежных славистов наблюдается повышенный интерес к древней словесности наших народов.

Два тома (второй и третий) посвящены новой украинской литературе дооктябрьского периода. Точнее, они охватывают писателей XIX и начала XX века (до 1917 года). Составители (М. Пивоваров, Г. Сингаевская, К. Федоритенко, ответственный редактор Е. Кирилюк) внесли в эти тома также писателей, творчество которых продолжалось и в советское время, например Ольгу Кобылянскую (1863—1942) или Миколу Чернявского (1868—1946). Это вполне оправдано, потому что их имена крепко вошли в украинскую дореволюционную литературу, и нельзя их классифицировать только по формальному признаку.

Свыше ста имен украинских писателей различных направлений и дарований внесены в эти тома словаря, широко представлена критическая литература о них на украинском, русском и других языках. Особенно подробно даны в этих томах великие классики украинской литературы, и прежде всего Т. Г. Шевченко. Его библиография занимает сто тридцать страниц убористого шрифта (стр. 609—740) и с достаточной полнотой дает критическую литературу, возникшую в связи с именем и творчеством Кобзаря. Так же тщательно собрана библиография Ивана Франко, Леси Украинки, Михаила Коцюбинского, Панаса Мирного, Василя Стефаника.

Многие имена, несправедливо забытые, восстановлены в словаре, что нельзя не считать положительным явлением. Хорошо подобрана библиография П. Кулиша, М. Костомарова, М. Драгоманова и других крупных деятелей украинской культуры, без которых трудно правильно оценить процесс развития общественной мысли на Украине. И каковы бы ни были их ошибки и заблуждения — вольные

или невольные, — надо дать этим деятелям справедливую историческую оценку, что и сделано в словаре. Тем более ощутимо отсутствие в ряду этих имен В. Винниченко — фигуры необычайно сложной и противоречивой. Писатель этот не раз менял политическую ориентацию и скатился в бездну националистической контрреволюции на Украине. И все же творчество раннего Винниченко, особенно в период революции 1905 года, носило ярко выраженный революционно-демократический характер. Его рассказы о пролетариях города и деревни были очень популярны в передовых кругах общества («Голота», «Голод», «Солдатики», «Босяк», «Біля машини», «Талісман» и т. д.), и некоторые выпускались в виде агитационных брошюр. После поражения революции 1905—1907 годов Винниченко стал на путь индивидуализма и ренегатства. Известно, какую отповедь получил он в ту пору за роман «На весах жизни» от М. Горького и как резко отозвался В. И. Ленин о романе «Заветы отцов» в письме к Инессе Арманд 5 июня 1914 года. Обо всем этом надо было сказать со всей прямотой, но не исключать вообще Винниченко из научно обстоятельного издания, отличающегося полнотой и точностью.

На мой взгляд, некоторая непоследовательность составителей сказывается в выборе имен. В словарь включается (и вполне обоснованно), скажем, Олена Пчилка, о которой говорится, что она «во многих случаях (?) стояла на буржуазно-националистических позициях, целиком противоположных убеждениям ее дочери — Леси Украинки», и обойдены такие имена, как Максим Славинский, Иван Стешенко, Владимир Леонтович, Микола Филянський и др.

Между тем следовало учесть, что Максим Славинский находился в дружеском кругу Леси Украинки, выступал как лирический поэт, а в 1892 году во Львове вышла «Книга песен» Гейне в переводе Леси Украинки и Стависького (псевдоним Максима Славинского). В письмах Леси Украинки часто можно встретить упоминание о «пане Максиме».

Иван Стешенко, вошедший в украинскую литературу в 90-х годах как поэт, автор сборников «Хуторні сонети» (1898) и «Степові мотиви» (1901), а также монографии о Котляревском (1898) и других литературно-критических работ, тоже имеет право быть внесенным в такой словарь при непременно характеристике его как националистического деятеля.

Писатель Владимир Леонтович, выступавший под псевдонимом В. Левенко с рассказами народнического типа, широко печатался в галицких журналах с начала 90-х годов. Он находился в дружеских отношениях с Иваном Франко, Михайлом Павликом и особенно с Михаилом Коцюбинским. В переписке Горького с Коцюбинским упоминается имя Леонтовича, бывшего в то время деятельным участником украинской литературной жизни.

Нельзя согласиться с отсутствием в словаре Микола Филянського, даже если с ним полемизировал М. Коцюбинский, обвиняя его в упадочнических настроениях.

И вот мы приближаемся к самому значительному разделу словаря — советской литературе, охватывающему два тома (четвертый и пятый). Более пятисот имен наших современников, работавших и работающих во всех жанрах литературного творчества, вошли в словарь. Классики советской литературы Украины — Максим Рыль-

ский, Павло Тычина, Микола Бажан, Владимир Сосюра — достойно представлены в биографических справках и в подборе критической литературы, появившейся вплоть до 60-х годов. И хотя составители О. Черкашин, Н. Колосова, Т. Шерстюк, ответственный редактор Л. Новиченко (четвертого тома) и С. Крыжановский (пятого тома) указывают в предисловии, что «библиография критических отзывов на творчество писателей не претендует на исчерпывающую полноту», все же главные критико-монографические работы и статьи включены в эти тома. Этот, советский раздел радуется тем, что очень многие, бывшие в забвении украинские писатели восстановлены в литературе и нашли в сборниках соответствующее место. И Василь Эллан (Блакитный), и Иван Микитенко, и Григорий Эпик, и Александр Дорошкевич, и Олесь Досвитный, и Дмитро Загул, и Микола Зеров, и Микола Кулиш, и Григорий Косынка, и Павло Филипович, и многие, многие другие обстоятельно представлены в словаре.

Следя за тремя-четырьмя поколениями украинских советских писателей, объединенных под кровлей двух последних томов, находишь как бы живую летопись литературного движения почти за полвека советской власти. Сквозь скупые строки биографий встают фигуры писателей, намечаются школы и направления первых лет революции. Многие их названия теперь уже стали уделом истории, и только специалисты или люди старшего поколения знают, кто «ходил» в «неоклассиках» или футуристах, кто считался сторонником «Гарта» или Ваплите.

Тут опять-таки можно сделать несколько замечаний о пропусках отдельных имен, сыгравших известную роль в украинском литературном про-

цессе, главным образом в 20—30-е годы. Например, в списке критических работ о Е. Плужнике значится статья М. Рыльского «О двух поэтах» (о Плужнике и Драй-Хмаре). Но Драй-Хмара в словарь почему-то не попал, хотя во многих критических работах того времени его имя непременно присутствует. Можно удивляться и тому, что забыто имя Гната Михайличенко, писателя-революционера, погибшего в 1919 году от деникинцев. Его новеллы и «Блакитный роман» выходили во множестве изданий и после его смерти. Как бы отрицательно ни относиться к националистическим настроениям Микола Хвильового, все же нельзя не помнить, что он был организатором Ваплите и в украинской литературе той поры был весьма заметной фигурой.

Что касается ныне живущих писателей, то они представлены очень широко, и против этого возражать нельзя. Библиография составляется не по табелям о рангах, а с возможно большей объективностью и полнотой. Если поэты, беллетристы, драматурги вошли в словарь дружным строем, то наибольший ущерб в численности понесли литературоведы и критики, а переводчики почти совсем остались за бортом. В предисловии составители пишут, что они включили в словарь, кроме писателей, «персоналии видных украинских советских критиков — членов Союза писателей и ученых-литературоведов, которые опубликовали свои труды отдельными книгами и активно выступают в периодике с научными, критическими и литературоведческими статьями». Но можно назвать ряд видных украинских литературоведов, которые вполне удовлетворяют приведенным требованиям, но в словаре их нет. Например, Ю. Ивакин, выпустивший несколько безусловно интересных и

оригинальных книг о Шевченко, или И. Журавская, автор исследований о связях Ивана Франко и Леси Украинки с зарубежными литературами, не значатся в персоналиях словаря. А большой отряд украинских переводчиков, завоевавших себе известность и в нашем Союзе, и за рубежом, выпустивших фундаментальные издания классических и современных переводов (Г. Кочур, М. Лукаш, Е. Дробязко, Б. Тэн, И. Стешенко, В. Житник, В. Коптилов и мн. др.), вовсе отсутствует в словаре.

Отдельные замечания о пропусках и недочетах (отнюдь не исчерпанные здесь) нужны именно потому, что выход пятитомного словаря украинских писателей заслуживает внима-

ния широкой литературной общественности, как большое, ценное, очень добросовестное и продуманное издание. Уже сейчас это издание, выпущенное совсем небольшим тиражом (7—10 тысяч, да еще каждый том разным тиражом), стало редкостью.

Хочется пожелать, чтобы при переиздании (а оно безусловно требуется) был составлен именной указатель, без которого пользоваться таким обширным библиографическим материалом весьма затруднительно.

Выход пятитомного био-библиографического словаря «Украинские писатели» — событие в литературной жизни не только Украины, но и всей страны.

А. ДЕЙЧ

ПОЭЗИЯ ПЕРЕВОДА*

Теория и практика переводческого искусства становится предметом все более пристального и взыскательного внимания всесоюзной общественности. Уровень требований к искусству перевода в наших республиках — основных «поставщиков» художественного материала, подлежащего переложению на русский язык, — заметно повысился.

Методологические принципы советской школы перевода достаточно отработаны, хотя в ней и существуют различные толкования практических вопросов. Позиция Л. Мкртчяна совершенно бескомпромиссна — он исходит прежде всего из высокого художественного критерия образной адекватности переложения оригиналу.

* Левон Мкртчян, О стихах и переводах, «Айастан», Ереван, 1965, 229 стр.

Изучению богатейшего опыта мастеров переводческого искусства — В. Брюсова, А. Блока, С. Шервинского, В. Державина, А. Кочеткова, К. Липскерова, В. Звягинцевой, — заставивших звучать по-русски многие прекрасные страницы из многовековой книги армянской поэзии, и посвящена работа Л. Мкртчяна.

Анализируя благородную и трудную работу переводчиков, автор вводит читателя в интереснейшую лабораторию индивидуального художественного творчества, решая при этом теоретические проблемы переводческого дела.

Так, в главе о Брюсове, открывающей книгу, показана не только ювелирная работа над словом и строфой (автор анализирует бесчисленные варианты), но, исходя из специ-